

**ФЕНОМЕН ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННОГО
ПОСРЕДНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ***А.В. Качкин (УлГУ)*

В последние годы в стране явно усиливается тенденция к институционализации посреднической деятельности, т.е. расширяются как формализованные рамки посредничества, так и неформализованные, укорененные в повседневной активности каноны и нормы урегулирования конфликтных ситуаций. Среди совокупности причин, ведущих к усилению посреднической деятельности, выделим две их группы. *Первая причина* заключается в том, что институт посредников все больше занимает важнейшую социальную нишу по установлению межинституционального согласия и сотрудничества в обществе. *Вторая причина* активизации посреднической деятельности связана с нарастанием конфликтного потенциала в российском обществе. В этой связи посредничество начинает выполнять стабилизационную функцию.

Конфликтов становится все больше, а зрелых механизмов их разрешения в определенный момент не оказалось. Репертуар возможных способов решения конфликтных ситуаций ограничивался в советское время идеологемой о фундаментальной базовой непротиворечивости социалистического общества. Поэтому в постперестроечной России явно наблюдался *дефицит посредников*. Этот дефицит восполнялся несколько иным социальным механизмом – делегирования. Однако, по нашему мнению, делегаты призваны только артикулировать и в этом смысле, транслировать интересы той социальной силы, выдвинутыми которой они являются. А посредники значительно расширяют диапазон своей деятельности. Они должны рассматриваться в качестве «третьей силы» в урегулировании конфликтов. Нам представляется, что по мере нарастания социальной напряженности и обострении социальных противоречий период дефицита посредников сменился периодом *спонтанной, непрофессиональной посреднической деятельности*. В дальнейшем, по мере возникновения устойчивых тенденций и определения контуров социального развития, некото-

рой стабилизации жизни общества становится все более четким экономический и социально-правовой контекст взаимодействия. Хотя он по-прежнему многих не устраивают, все же в рамках этих правил появилась возможность выработать устойчивый алгоритм разрешения проблемных и конфликтных ситуаций. В этих условиях происходит качественное изменение института посредничества. Посреднические функции все больше берут на себя стабильные, устойчивые профессиональные организации и группы. Феномен посредничества принимает институциональные формы. *Институционализированное посредничество* в настоящее время обнаруживает себя в различных сферах социума и способствует разрешению самых разнообразных конфликтов и социальных проблем.

Разнородность институционального посредничества следует классифицировать в первую очередь по природе и условиям возникновения посреднических организаций:

1. Рекрутируемое, «призываемое» посредничество. Оно возникает в ситуации обращения конфликтующих сторон к «третьей силе» или «третейскому судье», в качестве которого выступают прежде всего независимые эксперты, аналитики.

2. Ассоциируемое посредничество. Оно возникает в случае, когда одна из конфликтующих сторон (чаще всего, – это какая-либо социальная группа) специально создает организацию, занимающуюся бесконфликтным сопровождением своих интересов. Необходимость в ассоциировании изначально возникает как следствие асимметрии ресурсной обеспеченности оппонирующих сторон. В этой ситуации одна из сторон складывает свои разобщенные ресурсы (интеллектуальные, информационные, финансовые и пр.), что и составляет суть процесса ассоциирования. Примерами такого типа посредничества выступают различные бизнес-ассоциации, создающиеся с целью нейтрализации ресурсного разрыва в отношениях между разобщенным слоем предпринимателей и государством.

3. Консенсусное посредничество. Оно возникает как структура, включающая в себя представителей всех групп интересов по поводу той или иной конфликтной ситуации и принимающая статус самостоятельной, отличной от оппонирующих сторон организации. Примерами такого типа посредничества являются комиссии

по трудовым спорам на предприятиях (вообще, любые согласительные комиссии, где бы они ни создавались), институт уполномоченных по правам человека.

Посреднические организации призываются к жизни существованием некоторой проблемы, конфликтной ситуации, и, по крайней мере, на декларативном уровне такие организации объявляют сроком своего существования – период разрешения проблемы. Таким образом, их функционирование, обладание или доступ к социальным ресурсам оказывается непосредственно связанными с существованием конфликта, проблемной ситуации. Отсюда следует, что в систему их интересов входит (явно или неявно) интерес к сохранению контекста их существования, и зачастую функция экспертного участия в разрешении проблемы латентным образом стимулирует рождение и присвоение посредником другого функционального ряда – обнаружение проблемы, PR проблемной ситуации, создание заинтересованности в решении проблемы определенных ресурсных групп. Метафорой к описанным двум функциональным рядам посреднического статуса можно выбрать образы «сапера» - специалиста по обезвреживанию проблемы, и «минера» - специалиста по конструированию проблемной ситуации, которая в будущем потребует привлечения его же, но уже в противоположном качестве.

Зафиксированная двумодальность функционального ряда может быть описана через такие категории, как: полномочия, ресурсы, выбор цели.

1. Полномочия. В первом случае (функция «сапера») посредническим организациям предоставлены определенные полномочия со стороны «внешних» акторов, вовлеченных в некую проблемную ситуацию и заинтересованных в достижении желаемого результата. Во втором случае (функция «минера») подтвержденных полномочий на участие посредника в определенной деятельности нет.

2. Ресурсы. В первом случае (функция «сапера») посредник обладает определенным объемом *делегированных* со стороны «внешних» акторов ресурсов, а также правом требовать привлечения *дополнительных* ресурсных вложений для решения проблемы. Во втором случае (функция «минера») посредник обладает *собственными* ресурсами, которые он волен либо использовать, либо

сохранять неактуализированными, незадействованными. Как правило, посредник использует имеющиеся ресурсы не для решения проблемы, а для привлечения внимания «внешних» агентов, потенциально способных отрядить часть собственных ресурсов в отношении целей и проблем, заявляемых посредником.

3. Выбор цели. В первом случае (функция «сапера») посредник поставлен в условия жестко целевого использования делегированных ресурсов. Во втором случае (функция «минера») посредник имеет возможность самостоятельно формулировать цели собственной деятельности, гибко программировать свою деятельность и определять приоритетные направления затрат имеющихся ресурсов, стремясь капитализировать ресурсы, привлекая «внешние» инвестиции.

Для понимания специфики посреднической деятельности в современной России было предпринято исследование социальной и полигической среды, в которой она формируется и разворачивается, или структурного контекста (в терминологии структурного функционализма). Конфликт как неотъемлемая, имманентная черта социальной жизни и общественных отношений наиболее релевантен открытому, плюралистическому обществу, отличительными характеристиками которого является автономная социальная и политическая активность населения; высокая степень доверия и вытекающая из этого способность к созданию ассоциаций; конкуренция в рамках определенных и разделяемых всеми субъектами социальных взаимодействий «правил игры»; неопределенность результатов соперничества при определенности процедур; рациональность и культура гражданственности и т.д. В таком структурном контексте посреднические практики не просто способствуют разрешению конфликтных ситуаций, но и формируют конфликтологическую парадигму мировосприятия. Ее смысл состоит в признании правомерности интересов другого индивида или группы, даже если они противоречат своим собственным интересам. Отсюда готовность к компромиссам, поиску взаимовыгодных договоренностей как в рамках неформальных, так и формализованных институтов, при явном превалировании последних. Достигаемые в ходе посредничества договоренности не рассматриваются как раз и навсегда данные, но являются источником новых возможных разногласий и конфликтов. а,

разногласий и конфликтов, а, следовательно, и новых компромиссов. Следовательно, конфликтная парадигма не может трактоваться как исследование исключительно конфликтов, вне способов, методов и вариантов их урегулирования.

Структурным контекстом конфликтов и посредничества в России является переходное, трансформирующееся общество, являющееся конфликтогенным и нестабильным по самой своей природе. Это общество, находящееся в состоянии глубокой трансформации, нарушающей сложившееся относительное равновесие, задевающее и во многом противопоставляющее друг другу интересы широких социальных слоев и групп. Фактором, противодействующим процедурной (т.е. институциональной) определенности, является желание наиболее продвинутых экономических слоев и политических групп быстрее получить ощутимые результаты от экономической конкуренции и политических свобод.

Но совмещение одновременно неопределенности и результатов, и процедур создает сильнейшую нестабильность, когда отсутствуют привычные, структурные опоры в общественной жизни, недостает представлений об общих ценностях, интересы и поведение людей носят случайный характер. Отсутствует системность и четко определенные регуляторы и ограничители, общественные роли и отношения; нет (или мало) устоявшихся норм и институтов; не определились группы интересов и классы. Иными словами, отсутствует или находится в зачаточном состоянии почти все, что придает социальной жизни относительную упорядоченность и систематизированность.

Для характеристики общества, лишенного созданных им самим устойчивых коллективных средств организации, используется термин: *дезорганизованное общество*, характеризующееся *конфликтным плюрализмом* интересов, ложной идентификацией тех или иных социальных групп, *случайной политической институционализацией*, продиктованной желанием быстрее уладить возникающие конфликты и т.д. Одной из главных и первоочередных проблем такого общества, включая и постсоветское, является проблема институциональных дефицитов, включая дефицит институционализированного посредничества как фактора ослабления деструктивной конфликтности и повышения позитивных, функцио-

нальных возможностей использования энергии конфликта в целях поступательного общественного развития.

В последние годы в России несколько усиливается тенденция к институционализации посреднической деятельности, т.е. расширяются как формализованные рамки посредничества, так и неформализованные, укорененные в повседневной активности каноны и нормы урегулирования конфликтных ситуаций. Эти процессы развиваются и по вертикали государственного управления, и по горизонтали межсекторного взаимодействия и партнерства. В связи с тем, что в России нет прочных и богатых навыков и традиций институционализированного посредничества, последнее приобретает здесь специфические черты, к числу которых относится преимущественно лоббистский характер деятельности тех или иных общественных объединений, а также трудности организации осмысленного, устойчивого и долговременного коллективного действия. Благодаря этому российская конфликтность на данном этапе является преимущественно латентной, однако выход из нее возможен в двух направлениях: либо в сторону поддержания «скрытого хаоса» (т.е. неопределенности социальных отношений, выгодной прежде всего наиболее продвинутой социальной группам), либо в сторону жесткого порядка, декларируемого как власть предержащими, так и ущемленными социальными группами. Но во втором случае вместе с неопределенностью может исчезнуть и сам конфликт как возможность открытой и публичной конкуренции интересов, и воспроизведутся социальные практики, характерные для закрытого общества.

На эмпирическом уровне феномен институционального посредничества был рассмотрен в следующих сферах: взаимодействия бизнеса и власти, личности и государства по четырем направлениям посреднической деятельности: организациям экономического посредничества, институтам гражданского общества, средствам массовой информации, профессиональным экспертным сообществам. В частности, в ходе исследования деятельность трех национальных этнокультурно-просветительских обществ на территории Ульяновской области рассматривалась как случай институциональной посреднической деятельности. Возникнув более 12 лет назад в качестве представителей интересов этнических групп,

проживающих на территории области, эти организации проделали определенную эволюцию и превратились в классические посреднические организации, существующие за счет присвоения и распределения различных видов ресурсов. Так, во взаимоотношениях с органами власти и иными общественными ассоциациями национально-культурные организации выступают как носители этнокультурного ресурса. По отношению к собственному этническому сообществу они демонстрируют властные, информационные и организационные ресурсы. Таким образом, их посредническая деятельность выражается прежде всего в перераспределении и канализации различных видов ресурсов, что обеспечивает, с одной стороны, представленность интересов этнического сообщества во властных структурах, а с другой стороны, придает упорядоченность и усиливает этническую солидарность данной этнической группе.

Мы приходим к выводу, что посредники - это те, через кого происходит обмен ресурсами и кто способен распределять, канализировать, направлять разнообразные ресурсы в разнообразных интересах.

Кроме того, изучение деятельности перечисленных культурно-просветительских организаций позволяет обнаружить механизм отчуждаемости посреднических организаций как от этнического сообщества, так и от структур власти, инспирировавших их возникновение в начале 90-х годов прошлого столетия.

ВОСПИТАНИЕ В ВУЗЕ: ВЗГЛЯД ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Т.Е. Плюснина, доцент

В условиях формирующегося рынка на смену социалистическим ценностям пришли другие, капиталистические. Погоня за деньгами, за доходом, за богатством, зачастую любой ценой, определяет поступки многих людей. На воровство, хищения, уход от налогов смотрят как на нечто необходимое, своего рода зло, но неизбежное, иначе прогоришь, получишь меньше барыша. Получается, что экономические преступления оправданы, это своего рода стиль жизни большинства современных предпринимателей.